

ТРИБУНА

МОЛОДОГО ЖУРНАЛИСТА

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГАЗЕТА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ВЫХОДИТ С 1998 ГОДА

№3 /227/ МАРТ 2024

tribuna.mosconsv.ru

«Музыка облагораживает жизнь человека...»

В уходящем году исполнилось 35 лет со дня кончины *Анны Даниловны Артоболевской*, выдающегося детского фортепианного педагога, преподавателя Московской консерватории и ЦМШ, одной из ключевых фигур советской фортепианной педагогики, создавшей свою методику работы с самыми маленькими музыкантами. Сегодня мы вспоминаем ее жизненный и творческий путь.

Анна Даниловна родилась 4 октября 1905 года в Киеве в дворянской семье. Она рано проявила музыкальную одаренность и уже в четыре с половиной года была принята на «Курсы музыкального образования» Евгения Павловича Рапофа. В 1923 году окончила Киевскую консерваторию по классу В.В. Пухальского. Еще во время обучения начала преподавать в интернате для сирот, родители которых погибли во время Гражданской войны.

В феврале 1925 года Артоболевская поступила на второй курс Петроградской консерватории в класс известнейшей пианистки Марии Вениаминовны Юдиной, с которой в последующие годы ее связывала теплая дружба. Впоследствии Юдина вспоминала, что «*Анна Даниловна Карпека-Артоболевская всегда глубоко удовлетворяла как меня, так и музыкальную общественность своим отличным пианистическим уровнем, широкой общей музыкальной культурой и чрезвычайно активным и проникновенным отношением к делу.*»

Анна Даниловна много концертировала в Ленинграде и других городах, в том числе вместе со своим супругом, мастером художественного слова Г.В. Артоболевским. К сожалению, в 1943 году талантливая пианистка из-за перенесенного инфаркта была вынуждена отказаться от концертных выступлений. Тяжело переживала она и гибель мужа, который во время Великой отечественной войны выступал на фронте в составе концертной бригады.

С этого времени Анна Даниловна полностью посвятила себя музыкальной педагогике. В 1944–1953 годах она преподавала на военном факультете при Московской консерватории, а также в средней специальной музыкальной школе им. Гнесиных. В 1944 году А.Д. Артоболевская начала работать в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории. Ее талант педагога, собственная уникальная методика, чуткое отношение к каждому ученику, внимание к всестороннему развитию его личности, в том числе знаниям в других областях искусства, творческая атмосфера урока давали возможность в полной мере раскрыться талантам юных музыкантов.

Свою методику она выстраивала на пути «от музыки к технике», учитывая при этом характер, способности и знания ученика и пробуждая у него образное восприятие. Один из ее учеников, известный композитор С.М. Слонимский, в свое время написал ей: «*Музыка никогда не была у Вас школьной задачей или сухой тренировкой техники. И почему-то при этом 99% Ваших ребят – редкие виртуозы с блестящей техникой. А как Вы научили меня читать ноты – ей-богу, не помню. Кажется, это было раньше букв. Но это не так, а только кажется, потому что это было интереснее букваря...*». Другой выдающийся воспитанник, профессор В.В. Пясецкий свой первый урок

у великого педагога вспоминает так: «*Помню, что в первый же день, когда пришел только знакомиться, я ушел от нее, как она сказала, музыкантом. Это совершенно потрясло моего отца. Я мог третьими пальцами обеих рук сыграть «Собачий вальс»! Как она это сделала, никто не понимал. Все, я музыкант! Такой скачок, по-видимому, был основой ее метода.*»

Более сорока лет Анна Даниловна преподавала в Центральной музыкальной школе. Многие ее ученики стали впоследствии известными музыкантами: среди них Алексей Наседкин, Алексей Любимов, Сергей Слонимский, Любовь Тимофеева, Валерий Пясецкий, Владимир Овчинников, Юрий Розум, Дмитрий Галынин, Вадим Руденко, Наталия Деева, Рубен Мурадян, Юрий Богданов и другие.

Своим педагогическим опытом Анна Даниловна поделилась в книгах «Первая встреча с музыкой», «Музыка и малыши», в статье «Ваши дети и музыка», в которых описала в том числе и свою методику преподавания. Одним из ее главных педагогических принципов было погружение ребенка в музыку с первого урока. Она писала: «*Постарайтесь околдовать ребенка музыкой, как интересной сказкой, не имеющей конца.*» Многих современников поражало то, как быстро и легко начинали играть ее ученики. Самым главным для Артоболевской было сделать так, чтобы ученик поверил в свои силы, входя в прекрасный мир звуков.

Дмитрий Дмитриевич Шостакович также отдавал дань ее талантам, говоря: «*Анна Даниловна Артоболевская хорошо известна мне как отличный, высококультурный музыкант, как ярко одаренная пианистка, как замечательный, вдумчивый педагог.*» Ее собственный взгляд на музыкальную педагогику как нельзя лучше отражает это: «*Музыка, быть может, как ни одно искусство, помогает сделать человека добрее, облагораживает его жизнь. Ее язык не нуждается в переводе; в то же время, он способен передать самые тонкие, самые глубокие чувства, которые подчас невозможно выразить словами. Ведь недаром говорят: музыка начинается там, где кончается слово. Загнать «заразить» ребенка желанием овладеть языком музыки – главнейшая из первоначальных задач педагога.*»

**Антонина Самонина,
IV курс НКФ, музыковедение**

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Фото Александра Панова

ЧЕРЕЗ МИНИМАЛИЗМ К БАРОККО

Значение личности *Алексея Любимова* в контексте музыкальной культуры России трудно переоценить. Один из самых известных российских пианистов, проводник нового направления исторически-информированного исполнительства, популяризатор старинной и современной музыки, педагог, воспитавший не одно поколение музыкантов. В преддверии 80-летнего юбилея Алексей Борисович Любимов продолжает заниматься делом, которому посвятил всю свою жизнь: изучать великое искусство музыки и выходить на концертную сцену, чтобы донести до слушателей его суть.

Образование Алексей Борисович получил профессионально-академическое, в русле московской пианистической традиции. Воспитывался в классе педагога ЦМШ А.Д. Артоблевской, а затем, будучи студентом Московской консерватории, несколько лет учился у Г.Г. Нейгауза. По собственному признанию, уже на этом этапе он почувствовал необходимость сбросить оковы школы классического исполнительства, требовавшей стандартизации.

Участвуя в различных международных конкурсах, общаясь с коллегами-музыкантами, он постоянно стремился расширить свой кругозор, проникнуть в самую сущность музыки. Уже после окончания Консерватории, увлекся творчеством современных композиторов. Со многими из них тесно общался в юности и продолжает дружить до сих пор. При этом сам пианист сочинением не увлекается. Говорит, что подобные эксперименты были простительны до шестнадцатилетнего возраста. В мире и так слишком много хорошей музыки, чтобы дополнять ее собственными опусами, считает он. Начав с исполнения авангарда, Алексей Борисович в конце концов принял решение углубиться только в область минимализма и постминимализма, сочтя их наиболее органичными для себя.

Судьбоносный поворот в сторону старинной музыки произошел в 1970-х годах. Услышав на одной из пластинок Н. Арнонкура непривычное звучание, казалось бы, давно известных барочных произведений, Алексей Борисович заинтересовался новым направлением аутентичного исполнительства на исторических инструментах. Эта область в России тогда была совершенно не изучена. Музыкант вспоминает, что в то время во всей Москве существовало только два клавесина, находящихся в очень плохом состоянии. Лишь спустя несколько лет в Московской филармонии по настоянию Алексея Борисовича появился первый играющий хаммерклавир.

Опираясь на записи европейских коллег, пианист начал формировать новый стиль исполнения, интуитивно ощущая его близость к возможному оригиналу. Первые концерты старинной музыки вызвали недоумение в среде академических музыкантов. Прослушав цикл сонат И.С. Баха, Альфред Шнитке спросил: «Где же баховское величие?». Чтобы освободить слух публики от исполнительских клише понадобились годы. Эта цель до сих пор не достигнута в полной мере, считает Любимов, но сегодня звучание исторического фортепиано уже не вызывает отторжения.

Новому исполнительскому направлению требовались музыканты, воспитанные в других условиях. Для этих целей в Московской консерватории был открыт новый факультет исторического и современного исполнительского искусства (ФИСИИ). В деле его основания пианист отводит себе небольшую роль. Говорит, что этот вопрос в большей мере решили его коллеги и время. «Мы обратились к ректору Московской консерватории М.А. Овчинникову, сказали, что у нас есть педагоги, есть инструменты, и мы можем привести 12 студентов», – вспоминает Алексей Борисович. Сегодня ФИСИИ выпускает в высшей мере профессиональных, всесторонне образованных исполнителей, готовых к любым экспериментам.

Будучи на протяжении 12-ти лет деканом ФИСИИ, профессором Московской консерватории и Зальцбургского университета, Любимов не оставляет активную исполнительскую деятельность. Он признается, что «давно выпустил из рук и орган, и клавесин», сосредоточив свое внимание на историческом фортепиано. «Еще в 90-е годы на Западе стали говорить о том, что сложилась русская клавесинная школа. Сейчас есть множество высококлассных исполнителей клавесинистов и органистов. Чтобы заниматься всем в равной степени хорошо, нужен огромный внутренний ресурс, поэтому я принял решение обратиться к более узкой области – романтические рояли и стилистика игры на них», – говорит музыкант.

Желание освободить музыку от «накипи интерпретаций» является отличительной чертой творчества Алексея Любимова. «К сожалению, люди все дальше стали уходить от сути музыки в сторону исполнительства. Она [музыка] стала для многих музыкантов средством создания имиджа», – с горечью комментирует артист сложившуюся сегодня на концертной эстраде ситуацию.

Быть первопроходцем в новых областях – его кредо. Подготовка к каждому новому выступлению начинается с поиска того самого единственного звука, оттенка, штриха. Он считает, что каждый инструмент по-своему уникален и требует индивидуального подхода. Похоже, что этот процесс для музыканта в творческом плане стал самым важным, важнее самого концерта.

*Елена Арутюнова,
IV курс НКФ, музыковедение*

ЗА ТВОРЧЕСКОЙ БЕСЕДОЙ

Шарль Рейделле: «Меня поразила энергия вашей страны...»

Этим летом французский валторнист Шарль Рейделле стал лауреатом XVII Международного конкурса им. П.И. Чайковского. О том, почему он считает эту награду самой красивой в своей карьере и почему мечтает снова приехать в Россию, музыкант рассказал нашему корреспонденту.

– Шарль, прошло более полугода после конкурса, как изменилась Ваша жизнь?

– Для начала хочу поблагодарить за возможность ответить на ваши вопросы, я безумно этому рад! Хочу отметить, что в Конкурсе Чайковского я участвовал впервые. Когда в 2019 году в основные номинации были добавлены медные духовые инструменты, с того момента мне очень захотелось принять в нем участие. Конкурс Чайковского – крупнейший международный, и возможность поехать туда была огромной радостью для меня. Сам по себе выход в финал уже был победой, потому что я смог сыграть великолепный концерт Глиэра с русским оркестром. Это мой любимый концерт, и возможность сыграть его в родной стране композитора была моей мечтой. Получение премии значительно повлияло на мою карьеру, и стало подтверждением, что 22 года работы (а я начал играть на валторне с 6 лет) и ежедневные занятия – все это не зря. Мой результат – это моя личная гордость и уверенность в том, что я достиг определенного уровня. Несколько раз я был приглашен в Россию маэстро Гергиевым и был удостоен чести солировать с оркестром Мариинского театра.

– Что неожиданного было для Вас на российском конкурсе? Что больше всего запомнилось?

– Поразила тщательная и продуманная организация конкурса. Нигде я не чувствовал такой заботы и уважения по отношению к участникам. Организаторы оплачивали нам билеты в обе стороны, трансферы по Санкт-Петербургу и Москве, а также проживание в отеле на протяжении двух недель. Вся команда конкурса была чрезвычайно дружелюбной и никогда не отказывала в помощи. Мы были на связи 24 часа в сутки, и любой вопрос решался моментально. Для меня это нечто совершенно уникальное, и я искренне и от всей души благодарю оргкомитет Конкурса.

Помимо этого, я бы хотел выразить огромную благодарность моему концертмейстеру Полине Григорьевой. Для меня она стала настоящим партнером, на понимание которого я мог рассчитывать. Кстати говоря, концертмейстера также предоставил оргкомитет конкурса. А одно из самых ярких конкурсных воспоминаний – это контакты и знакомства. Со многими я общаюсь до сих пор, чему очень рад.

– Лучшие площадки, концерт с оркестром Мариинского театра под управлением Валерия Гергиева – о таких событиях мечтают все исполнители. Совпали ли Ваши ожидания и реальность?

– Я был чрезвычайно удивлен атмосферой, царившей в Москве и Петербурге. Это было совсем не то, что я ожидал, будучи во Франции и смотря телевизор. Во время конкурса в Петербурге проходил фестиваль «Алые паруса», и я был поражен количеством людей на улицах. Все были полны энергии, счастливы, веселились, наслаждались жизнью. Я этого совершенно не ожидал.

Меня также поразило качество концертных залов. Капелла – зал с исключительной акустикой, идеально подходящей для валторны. Концертный зал Мариинский–3, где состоялся финал конкурса, тоже уникальное место. Мариинка–2, где я играл соло с оркестром на концерте лауреатов – просто захватывает дух. Огромный, красивый зал с шикарной акустикой! Мне удалось играть во многих залах мира: в Берлинской филармонии, в Шанхайской опере, в Мупе в Будапеште, но ни один из этих залов не оказал на меня такого эффекта, как Мариинский.

Выйти на сцену в качестве солиста в этом зале было своеобразным «приливом энергии», и этот вечер я запомню, как очень важное событие в моей жизни. А играть под управлением Валерия Гергиева – это мечта. Его по праву считают одним из величайших дирижеров в истории. Его можно сравнить с такими фигурами, как Караян, Шолти, Баренбойм, Клайбер...

– Не могу не спросить о том, как Вы решились в столь непростое для русской культуры время поехать к нам на конкурс?

– Действительно, вопрос об участии в Конкурсе Чайковского в нынешнее время был вполне ожидаем. Реакция европейского общества и последствия поездки в Россию могут быть совершенно неожиданными. Но я всегда думал, что музыка вне политики, поэтому мое решение изначально было положительным: при любом раскладе – еду. Готовясь к конкурсу, я пытался узнать, что думает о моем решении окружение – семья, коллеги по консерватории Ниццы, а также мой профессор. Все они меня поддержали. Я даже поинтересовался мнением знакомых украинских музыкантов, и они признались, что сами мечтают однажды выиграть приз на конкурсе Чайковского.

Без негативных комментариев, конечно, не обошлось. Но после моего успешного выступления многие знакомые музыканты искренне меня поздравили, чему я очень рад. С огромным сожалением отмечу, что в западной прессе конкурс почти не упоминался. Во Франции вышло всего две статьи с указанием победителей. Это большая печаль.

– Вы совмещаете учебу и работу в трех странах? Как Вам это удается?

– В сентябре 2018 года я получил должность преподавателя валторны в консерватории Ниццы. В то же время у меня появилась возможность поступить в класс К. Даллмана в Берлинском университете. Обычно первую часть недели я проводил в Ницце, а вторую – заканчивал в Берлине. Это было непросто, признаюсь. Но 2022-й и 2023-й годы стали еще более насыщенными, потому что, помимо Ниццы и Бер-

ЗА ТВОРЧЕСКОЙ БЕСЕДОЙ

лина, я начал обучаться в Женеве, одновременно работая в Оркестре романской Швейцарии. Я летал на самолете почти каждый день, чтобы днем преподавать в Ницце, а вечером участвовать на концертах в Женеве... А несколько свободных дней, которые у меня были, я посвящал урокам в Берлине. Это было трудное время, безумное, в хорошем смысле, и уникальное. Я искренне убежден, что никогда не нужно переставать учиться, особенно в области искусства.

– **С чем связано Ваше упорство? Три высших учебных заведения – это внушительный список!**

– Абсолютный абсурд считать, что ты все знаешь и умеешь после окончания магистратуры. Только сейчас, а мне 28 лет, я начинаю понимать, что хочу донести слушателю через свою игру, но мне еще многому нужно научиться. Это вдохновляет меня на продолжение обучения у разных мастеров. Считается, что для изучения игры на валторне Германия – самая подходящая страна. Поэтому в 18 лет, после окончания Лионской консерватории, я уехал учиться в Германию. Каждый из моих профессоров привносил в мою игру что-то новое, каждый уделял внимание разным вещам. Я считаю, что это дает мне возможность «услышать» себя с разных сторон, и помогает мне как педагогу.

– **Как проходит обучение по классу валторны в Германии и во Франции, в чем разница этих двух систем?**

– В целом, у меня сложилось впечатление, что в Германии целью преподавания является подготовка музыкантов к реальной жизни. Студентов подталкивают к тому, чтобы они одновременно с учебной работой пытались реализоваться в оркестре с помощью различных стажировок, после которых многим предлагают работу. И в немецких консерваториях это поощряется.

А вот во Франции совсем иначе – если студент Парижской консерватории начинает работать, ему запрещают продолжать обучение. Многих студентов исключают за прогулы, которые неизбежно возникают из-за концертов, репетиций, конкурсов и т.д.

– **А как проходят будни профессора в Ницце?**

– Я был принят на работу в возрасте 22 лет, все вокруг принимали меня за студента. Мне кажется, я был один из самых молодых учителей во всей Франции. Уже пять лет я пытаюсь создать качественный класс валторны. Для меня это увлекательная, но требующая усилий работа. Часто слышу, что преподавание – это просто проведение определенного количества часов занятий. Но на самом деле, чтобы достичь значимого результата, нужно много вкладываться. Учитель постоянно должен держать связь со своими учениками, поддерживать их как в профессиональном, так и в психологическом плане. Помимо этого, многих нужно готовить к конкурсам в оркестры. Это большая ответственность, так как оркестр – их будущий заработок.

Кстати, всех русских музыкантов мы очень ждем, и, если кто-то из них захочет приехать учиться в Ниццу, приглашаю в свой класс.

– **Играете ли Вы в оркестре или все же видите себя в качестве солиста?**

– Я был валторнистом в женевском оркестре в сезоне 2022/2023. Это был потрясающий опыт. Женевский оркестр можно назвать богатым, он приглашает именитых дирижеров – Даниэля Гатти, Даниэля Хардинга, Шарля Дютуа. Но, к сожалению, работа в оркестре оказалась несовместима с моей преподавательской деятельностью. Ежедневные авиаперелеты чрезвычайно утомительны. В итоге мои женевские коллеги поставили меня перед выбором: либо оркестр, либо преподавание. Я остался в Ницце, потому что профессия педагога для меня очень важна. Ницца – гораздо красивее Женевы. Лазурный берег – это что-то невероятное, и русские люди это знают не хуже, чем я. И да, мне гораздо больше нравится играть в качестве солиста, исполнять безумно красивые произведения валторнового репертуара.

– **Вы играете на валторне – инструменте, который известен своим сложным устройством. Как пришли к такому выбору?**

– Выбор инструмента – очень интересная история. Мои родители – профессора консерватории Гренобля, моего родного города. Мама – пианистка, а папа преподавал игру на саксофоне. Они буквально разрешили мне попробовать все инструменты. Мама потом говорила мне, что при виде валторны я прямо засветился.

– **Что Вам нравится больше всего в Вашем инструменте?**

– Конечно, его тембр. Очень большое внимание обращаю именно на работу со звуком, и это ежедневная, тяжелая работа. До сих пор я занимаюсь 4–5 часов в день, что очень много для валторниста. Для многих моих знакомых трех часов вполне достаточно. Но в этом случае нужно заниматься очень сконцентрировано и эффективно, не отвлекаясь на телефоны и прочее.

– **А что Вас больше всего поражает или удивляет в России?**

– У меня сложилось впечатление, что русские – очень позитивные и энергичные люди. При любом раскладе русский будет сохранять оптимистичный настрой. Несмотря на санкции, запреты и прочее, россияне справляются с ситуацией и сохраняют привычный ритм жизни. Меня поразила энергия вашей страны, абсолютно кипучая культурная активность. Я бы очень хотел поделиться своим видением русских с соотечественниками, потому что нам рисуют совсем иную картину. Мне посчастливилось приехать в Санкт-Петербург в октябре, я выступал в рамках XI Международного органного фестиваля «Мариинский». Я сыграл французские произведения XIX–XX веков, написанные для валторны с органом. В Мариинке – 3 есть совершенно потрясающий орган, и мне рассказали, что его проектировал француз. Выступить в качестве солиста в этом огромном зале довольно необычно, и для меня это было огромное удовольствие. Надеюсь когда-нибудь вернуться туда.

– **Что Вы можете сказать о русском менталитете?**

– Знаете, на концерте в России я играл только французскую музыку – Дукас, Бозза, Сен-Санс, и был очень удивлен, увидев, с каким энтузиазмом публика отнеслась к этой программе. Мариинский театр на высшем уровне организовал мой приезд в Санкт-Петербург. Все проявили огромный профессионализм и искреннюю доброту, в том числе публика, и это совсем не тот образ России, который, к сожалению, создается на Западе. Все вокруг были очень доброжелательны, когда узнавали, что я француз. У меня только самые прекрасные воспоминания о России и ее народе, и я всегда счастлив посетить ваш дом.

– **А русская музыка?**

– Что касается музыки, я большой поклонник Чайковского и Шостаковича. Это связано с тем, что у моего папы есть абсолютно все записи дирижера Евгения Мравинского. Пятая симфония Чайковского в записи 1962 года для меня эталон знаменитого соло валторны. А запись Десятой симфонии Шостаковича – метафора русской души. Я знаю все эти записи наизусть! Впечатляет, что Россия борется за свою культуру и ценности. Я почувствовал, что ваша страна гордится и восхищается своей уникальной культурой. У меня сложилось впечатление, что культура занимает центральное место в российском обществе. Мечтаю, чтобы и во Франции к культуре относились также.

Полина Зорина,
IV курс НКФ, музыковедение

Фото Ирины Туминене

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

В ЛУЧШИХ ТРАДИЦИЯХ

В Малом зале консерватории 24 ноября состоялся фортепианный вечер «Приношение Рудольфу Кереру (1923–2013)». На концерте в честь 100-летия со дня рождения выдающегося пианиста выступили профессор *И.Н. Плотникова* и ее ученики, ассистенты-стажеры *Татьяна Федорова* и *Александр Захаров*. Программа состояла из шедевров композиторов-романтиков: Шуберта, Шопена и Рахманинова.

Ирина Николаевна Плотникова – одна из самых известных учениц профессора Рудольфа Рихардовича Керера. Лауреат Международного конкурса пианистов в Сиднее (1977), VIII конкурса им. П.И. Чайковского в Москве (1986, III премия), *Piano Master* в Монте-Карло (1995, Гран-при), заслуженная артистка России, она является прямой преемницей лучших традиций русской фортепианной школы.

Пианисты, продолжающие традиции профессора Р.Р. Керера, показали, почему он считается великим педагогом. В первом отделении выступила профессор И.Н. Плотникова, исполнив Шесть музыкальных моментов Шуберта. Невероятное проникновение в музыку, внимание к каждой детали – отличительная черта стиля Керера и его учеников. И это выступление как нельзя лучше это доказало. Особое отношение исполнительницы к музыке передалось слушателям: все сидели неподвижно, завороженные льющейся музыкой.

Затем прозвучала Фантазия фа минор ор. 49 Фредерика Шопена. Это был самый яркий момент всего вечера, настоящее волшебство. Такой уровень пианистического мастерства – большая редкость. Ощущалось истинное глубокое уважение пианистки к композитору, к искусству, сочетающее эмоциональность игры с абсолютным пониманием стиля. Удивительно умение исполнительницы управлять временем – оно текло иначе, словно в другом мире, более прекрасном, чем наше. Можно сказать, что это исполнение останется в памяти слушателей надолго.

Второе отделение было отдано молодому поколению – выступали Т. Федорова и А. Захаров. Несмотря на то, что они сами не учились у Керера, его школу они приняли из рук своего профессора. В зале, между прочим, сидели многие студенты ее класса. Татьяна Федорова исполнила три пьесы D. 946 Шуберта. Ее интерпретация отличалась зрелостью и глубиной. Каждая из трех пьес звучала по-своему, и в то же время они сложились в единое целое, несмотря на немалую протяженность. Завершил программу вечера Александр Захаров Вариациями Рахманинова на тему Шопена. Исполнение, скорее шопеновское, чем рахманиновское, было технически блестящим, с аккуратным отношением к фразировке и динамике.

Концерт стал подарком любителям музыки композиторов-романтиков. И подарил уверенность в том, что московская фортепианная школа – в хороших руках, безусловно, способных сохранять все ее лучшие черты.

МОСКОВСКИЕ КОМПОЗИТОРЫ – ОРГАНУ

В Малом зале консерватории 12 ноября ушедшего года прошел концерт «Органные фрески». Исполнители познакомили публику с уникальными сочинениями московских композиторов для органа.

Московская композиторская школа и орган – понятия, не так часто пересекающиеся. Тем не менее, именно сочинениям для органа известных композиторов, жизнь которых так или иначе связана с Москвой, и был посвящен этот концерт. На вечере памяти недавно ушедшего в мир иной председателя Союза московских композиторов О.Б. Галахова (1945–2023) прозвучал ряд «фресок», которые с полным правом можно называть жемчужинами современной органной музыки.

Перед концертом прозвучали вступительные слова композитора *Андрея Микиты*. Он подчеркнул роль народной артистки России Л.Б. Шишхановой в создании такого интересного проекта для развития российского органного композиторского искусства. А также объяснил принцип, построения концерта: в первом отделении прозвучали сочинения композиторов, ушедших из жизни (некоторые недавно), а во втором – сочинения ныне здравствующих авторов.

Музыкальная часть началась с Хоральных вариаций С.И. Танеева в исполнении *Евгения Максимова*. Затем *Елена Цыбко* сыграла сочинения крупнейшего представителя московской органной школы XX века А.Ф. Гедике: «Осенние тучи», Хорал и вариацию. Она же исполнила органную транскрипцию Пассакалии из оперы «Катерина Измайлова» Д.Д. Шостаковича. После трагической пассакалии наступило просветление: переход в другой мир в пьесе «Бродячая Русь Христа ради» Юрия Буцко. Это было не единственное сочинение композитора, прозвучавшее на концерте. *Ксения Свириденко* поразила публику виртуозностью в его «Вечном движении». Первое отделение завершил *Игорь Гольденберг* Четырьмя прелюдиями Романа Леденёва.

Второе отделение было не менее насыщено музыкальными открытиями. Актуальность прозвучавших сочинений была подчеркнута тем, что в зале присутствовали их авторы. Первой выступила самая юная участница концерта *Мария Паршина*, которая исполнила Первую сюиту «Органных фресок» Валерия Кикты (Хорал, Пастораль и Мадригал). Это сочинение, безусловно, было достойно дать название всему концерту.

Анна Юркова познакомила публику с двумя сочинениями Ирины Дубковой: «Ангел плакал» и «Песнь торжествующей любви». В них орган трактуется по-новому, композитор находит разные звуковые эффекты, которые, с одной стороны, воспринимаются как что-то совершенно уникальное, а с другой – прекрасно подходят самой природе инструмента.

Финал концерта – «Дунайские хоралы» Андрея Микиты были написаны по заказу Л.Б. Шишхановой и ей же посвящены. Высочайший уровень владения инструментом *Ксенией Свириденко* помог сочинению прозвучать очень эффектно. Жизнерадостное произведение довольные слушатели встретили улыбками.

*Лаура Санчес,
IV курс НКФ, музыковедение*

КОНЦЕРТНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ПУТЬ ДЛИНОЙ В 13 ЛЕТ

В Концертном зале им. П.И. Чайковского в исполнении Госоркестра Татарстана под управлением маэстро Александра Сладковского 1 декабря прозвучала Третья симфония Густава Малера. За одно отделение без перерыва полный зал отважно выслушал все шесть частей симфонии, длящейся более полутора часов.

Исполнение всех малеровских симфоний – давняя мечта дирижера *Александра Сладковского*. Но лишь спустя 13 лет после того, как он возглавил оркестр, ему удалось ее воплотить. Ввести в мир малеровских симфоний и создать атмосферу концерта удалось *Артему Варгафтику*. Помимо краткой исторической справки ведущий рассказал об образном строе произведения, настроив зал на нужный лад.

На протяжении всего концерта оркестр, следовавший за дирижером, играл мощно и объемно, дав слушателям в полной мере насладиться многогранной музыкой Малера. С точки зрения ансамбля баланс всех оркестровых групп был соблюден, однако струнные инструменты иногда звучали жестковато.

В первой части – самой продолжительной и сложной – оркестр с первых нот поразил удивительным ансамблем. А громогласное окончание настолько удалось, что, несмотря на предупреждение ведущего, зал разразился аплодисментами и криками «браво». Во второй части, названной композитором «*Что мне рассказали цветы в поле*», на первый план вышли деревянные духовые инструменты с их пасторальным звучанием. Красивые мелодии переходили от одного солирующего инструмента к другому, настраивая на созерцательно-безмятежное настроение.

Шутливое скерцо (III часть) у оркестра отличилось впечатляющей виртуозностью. Затем была сделана небольшая техническая пауза, в которую на сцену вышли народная артистка России *Ольга Бородина* и два хора – «*Мастера хорового пения*» и *Большой детский хор имени Попова*, которые участвовали в исполнении четвертой и пятой частей симфонии. Зал в это время наполнился шепотом восхищенной публики, обсуждавшей услышанное.

Ольга Бородина подхватила идею Малера на высоком уровне, поразив слушателей богатым бархатным тембром. Оркестр тактично дополнял ее соло, уйдя на второй план. Тонко и музыкально прозвучали дуэты солирующих инструментов и певицы.

Лирический финал (VI часть) стал настоящим апофеозом льющихся тем струнной и духовой группы, а торжественное звучание оркестра *tutti* увенчало грандиозное сочинение Густава Малера. Зал аплодировал стоя, не скупясь на крики «браво» и неоднократно вызывая дирижера на поклон.

Как признался Александр Сладковский, предваряя исполнение, без любви не может быть Малера. Концерт стал подтверждением этого тезиса, как со стороны исполнителей, так и со стороны слушателей.

*Полина Зорина,
IV курс НКФ, музыковедение*

*Александр Сладковский
и Ольга Бородина
Фото © Московской
филармонии*

Старинная музыка

Фото © Московской филармонии

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

Почти год назад (21 апреля) в Концертном зале им. П.И. Чайковского прозвучал цикл кантат *Membra Jesu nostri* («Пресвятое тело нашего страдающего Иисуса») Дитриха Букстехуде (1637–1707), одного из величайших мастеров немецкого барокко. Кантаты вместе с избранными органными сочинениями композитора исполнили симфонический ансамбль *Персимфанс*, ансамбль вокалистов и орган (*Петр Айду*).

Самое произведение, как и предложенное концертное решение, по форме очень необычно. «Пресвятое тело нашего страдающего Иисуса» – это цикл из семи кантат: «К стопам», «К коленям», «К рукам», «К ребрам», «К груди», «К сердцу», «К лику». Эти кантаты представляют собой молитвенные медитации над Распятием.

Между кантатами звучали органные сочинения. Эта идея помогла лучше воспринимать цикл, так как благодаря ей внимание слушателей переключалось на чисто инструментальную музыку. Органные сочинения, чаканы и токкаты, были подобраны согласно образной сфере каждой кантаты, и молитвенное состояние вокальной музыки подчеркивалось инструментальными вставками. Осмысливать же содержание вокальных номеров помогали русские титры, которые транслировались на стену.

Слушателям представили очень тонкую, изящную барочную музыку с ее особыми изысками и красотой. В вокальных номерах поражала слух прозрачная фактура, в которой прослушивались все мелодические линии, украшения и интонационные обороты. В органных – гармоничное соединение импровизационности и неимпровизационности. Такой синтез свободы и правила был задуман самим композитором.

Не менее радостным было видеть и слышать аутентичное исполнение. Соответственно, на сцене были старинные инструменты – концерт виол, два органа-позитива и теорба. Хотя были и современные нам скрипки и виолончель. Для музыки той эпохи характерна была камерность, атмосфера которой была создана в Большом зале филармонии. Все это максимально приблизило звучание музыки к эпохе, в которой она родилась. Исполнение подобного рода, особенно в аутентичном формате, требует немало знаний и умений, и в тот вечер на сцене собрались настоящие профессионалы и ценители.

Это было прекрасно! Нам представили кантаты Букстехуде в том звучании, которое ожидается от произведений такого жанра, сюжета и эпохи. Музыка вселяла трепетные и теплые чувства, а исполнение оставляло ощущение сверхъестественного таинства.

К концерту филармонией была подготовлена брошюра, которая заслуживает отдельного слова. Вообще филармония славится своими изданиями подобного жанра. В данном случае большое место в ней заняла статья, написанная кандидатом искусствоведения, доцентом Московской консерватории Р.А. Насоновым. Она стала большим подспорьем для понимания звучащего. Роман Александрович представил для изучения не просто ознакомительный текст, а вполне себе научное исследование. В относительно краткой форме он рассказал об очень важных вещах: слушатели смогли познакомиться с родом Букстехуде, с содержанием кантат, с органными сочинениями и культурным контекстом.

Высокая значимость состоявшегося почти год назад исполнения сохраняется до сих пор. Видеозапись концерта выложена на сайт Филармонии и доступна для полноценного прослушивания.

Собкор «ТМЖ»,

Главный редактор: профессор Т.А. Курышева

Редакторы: М.А. Невидимова и Н.П. Рыжкова • Редактор сайта: Н.П. Рыжкова • Редактор оригинал-макета: С.А. Баронов

Сдано в печать: 15.03.2024 • 125009, Москва, ул. Б. Никитская, 13 • e-mail: gazeta@mosconsv.ru • tribuna.mosconsv.ru

Свидетельства о регистрации СМИ: ПИ №№ ФС77-37912/ФС77-37913 • ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА ГАЗЕТУ ОБЯЗАТЕЛЬНА